Золотой сезон Якутии

Цены на золото бьют исторические рекорды. Золотодобывающие компании уверяют, что получать ценный металл с каждым годом становится все сложнее. В России добыча золота растет, при этом ее себестоимость ниже, чем во многих других странах. Кто и как извлекает желтый металл из российских недр?

ТЕКСТ: ДАНИЛ ЛИТВИНЦЕВ
ФОТО: АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ

ОРУДИЕ ТРУДА — ВОДЯНАЯ ПУШКА. *Оператор Александр Кузнецов промывает грунт на золотоносном месторождении Ыныкчан. За сутки через промывочный комплекс проходят сотни тонн золотоносной почвы, из которой извлекается до двух килограммов ценного металла*

Месторождение — *заброшенный поселок. Золотодобытчики сносят дома и промывают почву из-под них*

Легко ли снести дом, в котором прошло твое детство? Рядом рычит бульдозер, траншея подошла к бывшему огороду родителей. «Если в земле под домом хорошее содержание золота, будем сносить», — объявляет Сергей Даниш.

И не жалко? «Жалко, когда металл в земле остается», — сухо отрезает директор.

Заброшенный поселок золотоискателей — не место для ностальгии. Сергей Даниш родился и вырос именно здесь, в месте с труднопроизносимым названием Ыныкчан. Мать растила сына одна, после того как отец-старатель погиб от рук бандитов за три недели до появления сына на свет. В 2008 году из поселка, основанного в 1940-х, выселили последних жителей; через год поселок стал золотоносным полигоном, и теперь его дома сносят бульдозеры, а землю из-под фундаментов промывают старатели.

«Золото здесь везде», — уверенно говорит Сергей Даниш. Он закатывает рукава штормовки, на левом предплечье обнажается татуировка с надписью «север». В одном кубометре обжитой земли содержание золота доходит до 80 граммов — такими цифрами может похвастаться далеко не каждое «дикое» месторождение в округе. За сутки на месте бывшего поселка можно намыть золота на два миллиона рублей.

55-летний Сергей Даниш руководит процессом. Он — технический директор московской компании, которая владеет лицензией на разработку месторождения.

Золотодобыча в бывшем поселке похожа на археологию — рабочие находят в земле монеты и пуговицы, ключи и даже золотые коронки, оставленные когда-то жителями. Золотые коронки летят в общий контейнер с самородками. Они весят всего несколько граммов, но и эти граммы войдут в прибыль, которая волнует каждого члена артели, от повара до начальника участка.

Потому что достойную зарплату в конце сезона они получат только тогда, когда выполнят план добычи — 100 килограммов золота.

Извлекать золото становится все сложнее. В 1989 году Российская Федерация в составе СССР добыла 221,3 тонны золота; двадцать лет спустя в России этот показатель составил 178,2 тонны. «Мировая добыча золота прошла свой пик в 2000 году, и ее объемы будут только снижаться», — сказал в 2009 году Аарон Риджент, президент компании «Баррик голд», ведущего производителя золота в мире. По его словам, мировое производство золота за последние десять лет снизилось на десять процентов, а расходы на добычу утроились.

Река Ыныкчанка берет свое начало в отрогах хребта Джугджур,

Геологическая карта
с указанием примерного содержания золота — главное сокровище добытчиков

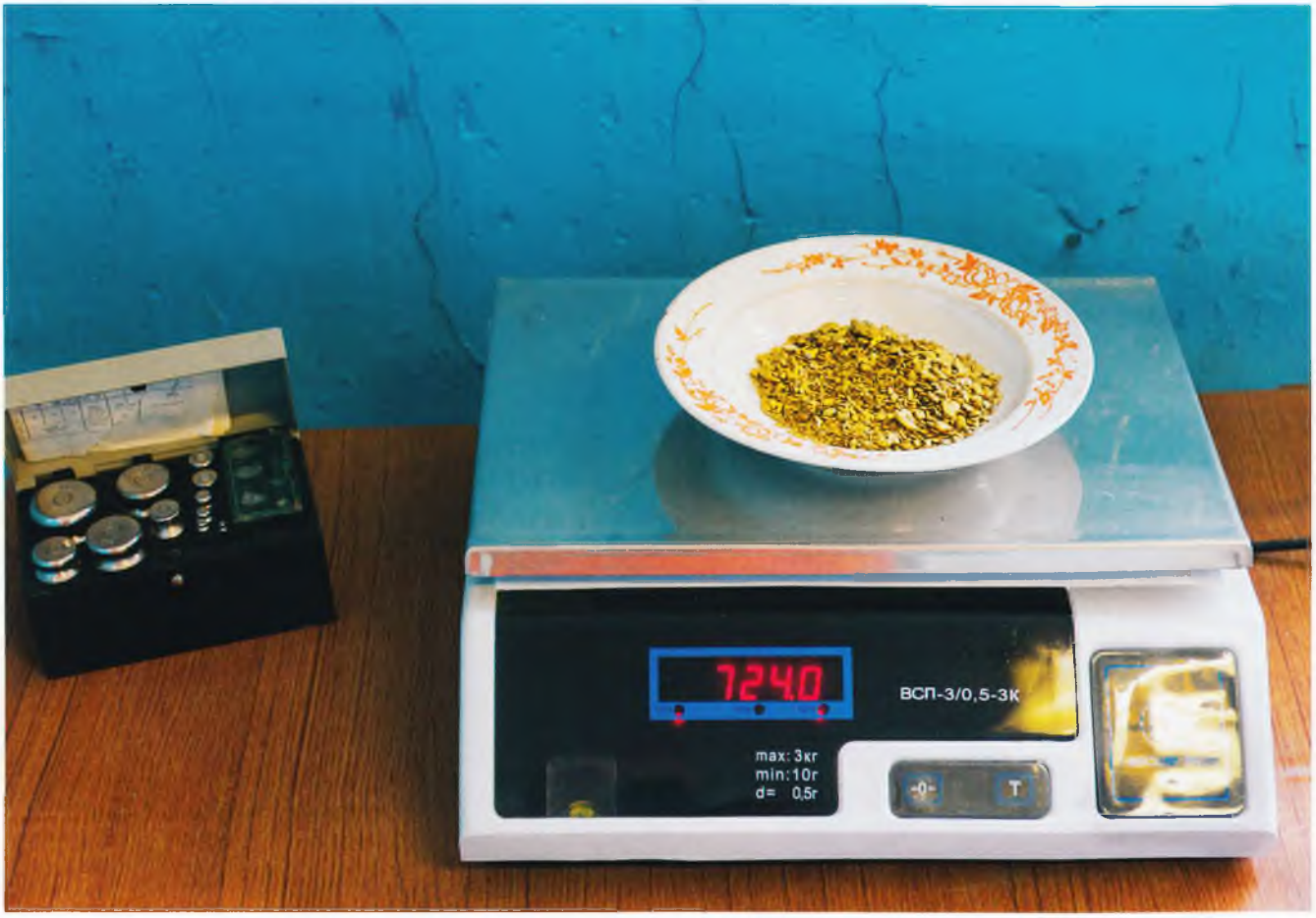
разделяющего бассейны Лены и Охотского моря, а также два субъекта Российской Федерации — Якутию и Хабаровский край. Тысячелетиями вода в Ыныкчанке вымывала из толщи земли крупинки золота, которые оседали среди камней и песка на речных берегах. Больше всего этих крупинок было там, где в Ыныкчанку впадают два золотоносных ручья — Марь и Заря. Именно здесь, в 400 километрах к востоку от Якутска, и был заложен поселок Ыныкчан.

Первые старатели пришли сюда в конце 1920-х годов. Тогда весть о богатейших месторождениях золота на якутской реке Алдан облетела весь Дальний Восток. Сотни китайцев и корейцев из Приморья рванули на поиски счастья в Якутию; азиаты, привыкшие к тяжелому труду, брались за самые сложные участки.

Ыныкчан был одним из таких. Лишь в 1939 году, когда подтвердились огромные запасы золота на хребте Джугджур, государственный трест «Джугджурзолото» начал здесь промышленную добычу. Но и частное старательство никто не запрещал — на любом государственном прииске частники могли продать добытое золото или обменять его на продукты и одежду.

«Днем по жаре лучше пить шиповник», — со знанием дела Александр Кузнецов разливает по эмалированным кружкам теплую розовую жидкость. Снаружи печет солнце, на градуснике больше 30. Внутри крохотной темной бытовки умещаются столик, табуретка, топчан и печка-буржуйка с двумя чайниками.

Пока бульдозеры сгребают очередную порцию золотоносного грунта с улиц заброшенного поселка, Кузнецов устраивает короткое чаепитие. Ему 51 год, из которых последние 19 он работает в



Весы для золота *на шлихообогатительном участке месторождения Ыныкчан*

Якутии. Его должностная обязанность — мыть золото, в прямом смысле этого слова. Как только бульдозеры наполняют грунтом площадку с железными бортами, Александр, не вынимая сигарету изо рта, двумя руками берется за ручку водомета и направляет струю воды на край кучи грунта, чтобы смыть с камней налипшую на них глинистую массу, в которой и содержатся золотые песчинки.

Грохочут камни, шумит вода, рокот двигателей разносится на километры вокруг, от разлетающихся брызг гаснет сигарета во рту. Но Александр Кузнецов не отрывается от дела — все меньше крупных камней остается на площадке, все больше глины и мелкой гальки просачивается сквозь ее «дырявое» дно. Прошедшая через сито «мелочь» стекает в наклонный запечатанный желоб.

Александр Кузнецов работает по одиннадцать часов в день. Его смена начинается в восемь утра и продолжается до семи вечера, в восемь вечера приезжает сменщик. В этом ритме — две смены, круглые сутки — трудятся все на прииске. К чему такая спешка?

«Добывать золото в России при нынешних ценах — более 1100 рублей за грамм — очень выгодно», — признается Сергей Даниш. Накануне бригада добыла почти два килограмма золота. «На эти деньги можно купить для наших бульдозеров запчасти на весь сезон», — говорит технический директор. А всего 100 граммов золота будет достаточно, чтобы кормить рабочих мясом в столовой весь год.

В 2009 году в среднем по миру себестоимость добычи одной тройской унции золота (31,1 грамма) была 730 долларов, а в среднем по России — всего 430 долларов. В России дешевле не только горючее и электричество, но и рабочая

ЗА КАДРОМ

28-летний журналист из Санкт-Петербурга ДАНИЛ ЛИТВИНЦЕВ (на фото) и 35-летний московский фотограф АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ провели на якутском золотом прииске Ыныкчан более полутора недель. Дорога из Москвы к месту золотодобычи была в буквальном смысле путешествием на край света: перелет Москва — Якутск, затем перелет на турбовинтовом самолете до поселка Усть-Мая, три часа на моторной лодке по реке Алдан и, наконец, двести километров по грунтовой дороге до золотых приисков. Когда журналисты добрались до места, им объявили: в заброшенный поселок иногда заходят медведи — и на всякий случай выдали карабин «Сайга». «Отправляясь но-

Доводчицы *вручную отделяют золото от примесей*

чью снимать работу людей, я вспоминал службу в десантных войсках, — улыбается фотограф Алексей Николаев. — На одном плече у меня висел фотоаппарат, на другом — карабин. Вот только в поясной сумке вместо боеприпасов были объективы». Но самое сильное впечатление на журналистов GEO произвели эти мужественные люди. Назвать «экстремальными» условия, в которых живут и работают добытчики золота, было бы преуменьшением. «Собрать в тайге бульдозер из разрозненных деталей под непрестанный вой комаров? Переправить несколько десятков тонн топлива через разлившуюся реку? Провести караван грузовиков через горные перевалы в 50-градусный мороз? В Якутии все это в порядке вещей», — говорит автор репортажа Данил Литвинцев.

сила, говорят эксперты. Кроме этого, больше богатых месторождений. Вот только в отличие от теплых Австралии и Южной Африки сезон золотодобычи на северо-востоке России, где сосредоточены основные месторождения, длится всего пять месяцев — с мая по октябрь.

В остальное время года работать невозможно. Ранней весной замерзшая земля тверда, как бетон, — с ней не справится ни один экскаватор. В середине осени становится так холодно, что замерзает даже водяная струя. Поэтому летом, в разгар сезона, каждый час простоя техники и людей на месторождении обходится добывающим компаниям в 35 000 — 60 000 рублей потерянной выручки. А ведь добытый за эти полгода металл должен обеспечить жизнь старателей на оставшееся время года. В краю, где не производят ничего, кроме золота, найти работу зимой непросто.

В пять часов вечера «уазик» привозит двух «съемщиц» золота и охранника. Кузнецов, еще пять минут назад философски рассуждавший о том, что «к золоту лучше не прикасаться, чтобы спать спокойно», уменьшает напор воды, поворачивает водомет в сторону и вместе с остальными идет к закрытому желобу. Все-таки интересно, сколько золота добыла бригада за последние сутки.

Охранник сжимает в руках помповое ружье. Времена таежных грабителей остались в прошлом, но все операции по обращению с золотом на российских приисках — от вскрытия желоба до отправки отсортированного металла на дальнейшую очистку — по-прежнему регламентированы.

Урожай последних суток — один килограмм, вдвое меньше, чем накануне. «Золото — как картошка, — шутит начальник производственного участка Леонид Яковлев. — Распределяется нерав-

Полноприводной грузовик *на берегу реки Аллах-Юнь. В Якутии золотодобытчики сталкиваются с полным отсутствием дорог*

номерно — под одним кустом густо, а под другим пусто».

Собранный в контейнер золотосодержащий шлих везут в крепость за дощатым забором с колючей проволокой — «шлихообогатительный участок». Внутри неказистой постройки царит атмосфера ГУЛАГа, дополненная видеокамерами, единственным атрибутом двадцать первого века. «Инструкции по обеспечению сохранности золота», разработанные в 1930-х годах, действуют до сих пор: вооруженная охрана на входе, решетки на окнах, спецодежда без карманов.

Оксана и Ирина, ползавшие час назад по железному желобу, переодеваются из резиновых комбинезонов в синие халаты. Теперь их задача — отделить золото от других металлов и минералов. Для этого золото надо промыть еще раз, теперь вручную. Затем Ирина и Оксана под прицелом видеокамеры раскладывают

Зеленое и золотое

На долину реки Аллах-Юнь в районе поселка Солнечный больно смотреть — вдоль когда-то живописных берегов тянутся километры холмов из белесо-серой гальки. Это грунт, перемытый плавучими рудоперерабатывающими заводами. За сутки один такой завод может промыть до пяти тысяч кубометров грунта — это примерно 500 самосвалов. В результате остаются горы камней, на которых годами ничего не растет.

Законы предписывают, что в конце каждого сезона золотодобытчики обязаны «рекультивировать» хотя бы часть своих отвалов — разровнять холмы бульдозерами и засыпать их плодородным слоем земли. Однако даже беглого взгляда на долину Аллах-Юнь, где золото добывают уже 70 лет, хватает, чтобы понять — этих норм по рекультивации земли недостаточно.

Другой побочный эффект добычи золота — загрязнение водоемов. На одном лишь участке Ыныкчан насос, подающий воду к водомету, за час перекачивает 340 тонн воды — этого объема хватило бы на 1700 ванн! Вода, пройдя сквозь золотосодержащий грунт, выливается замутненная самыми разными частицами, количество которых превышает допустимые экологические нормы. Поэтому на Ыныкчане рядом с полигоном был выкопан пруд-отстойник, в который один раз запустили воду из реки Ыныкчанки, а затем между прудом и речным берегом насыпали дамбу. Теперь насос закачивает воду с одного конца пруда, а отработанная вода сливается в другой конец этого же пруда. Так появилась система водопользования замкнутого цикла. Сегодня вода в реке Ыныкчанка настолько чиста, что ее можно пить без кипячения. По закону, такие системы водопользования должны работать на всех золотодобывающих предприятиях страны.

Промывочный комплекс *монтируется из старых металлических листов. На отдаленных золотых приисках сборка сложных конструкций под открытым небом и без инструментов — обычное дело*

добытое золото по обычным тарелкам из столовой: мелкие самородки — в одну тарелку, покрупнее — в другую. Остатки золотого песка они аккуратно сметают заячьей лапкой.

Начальник участка Егор Дьячковский, надев очки, взвешивает самый большой самородок дня — 34 грамма. Рядом с весами стоит пластиковый контейнер, на крышке красуются пломбы и адрес получателя: Новосибирский аффинажный завод. Внутри — ровно 9,666 килограмма золота, добытого в бывшем поселке старателей Ыныкчан. Через два дня драгоценный контейнер улетит из поселка Солнечный на маленьком турбовинтовом самолете в Якутск в сопровождении двух охранников. Оттуда посылка отправится в Новосибирск по каналам «Спецсвязи» — образованного в 1939 году государственного предприятия, занимающегося перевозкой особо ценных грузов.

Все промышленное золото, добываемое в России, должно пройти очистку от природных примесей: серебра, ртути, олова, меди. Этим занимаются несколько аффинажных заводов, в том числе и Новосибирский. Там же выплавляют слитки и гранулы с указанием на них пробы и массы металла. Только с золотом, прошедшим все эти процедуры, в России будут возможны легальные коммерческие операции — продажа банкам, ювелирным компаниям, производителям высокотехнологичной продукции или отправка в Гохран.

На часах восемь вечера. Александр Кузнецов залезает в запыленный микроавтобус, который только что привез на месторождение рабочих ночной смены. «Ну как, взяли килограмм?» — интересуется водитель в черной австралийской старательской шляпе. «Да, вроде», — отвечает Александр.

День металлурга *на золотом прииске. В честь праздника работы на прииске будут приостановлены на один час*

«Наконец-то нормально берем, а то с такой добычей, как на прошлой неделе, — по 300 граммов, нам опять скажут, что зарплату платить не с чего», — сердито бросает рабочий лет сорока пяти и отворачивается к окну.

Через 40 минут микроавтобус въезжает в Солнечный — окруженный лесистыми горами поселок старателей, застроенный двухэтажными деревянными домами. Здесь живут полторы тысячи человек. Отсюда до Якутска — около 400 километров по прямой, до ближайшей железнодорожной станции Нерюнгри — 1000 километров по воде. Но постоянной дороги между этими точками, разбросанными по необъятной территории Якутии — самого большого по площади субъекта Российской Федерации, — нет.

Из Солнечного уходит одна-единственная дорога — 200-километровая грунтовка, проложенная в 1940-х годах до поселка Эльдикан на берегу реки Алдан. Летом оттуда до Якутска можно за шесть суток доплыть на барже. Зимой — за один день доехать до столицы республики по «зимнику» — сезонной дороге, проложенной по льду и снежной целине.

Александр Кузнецов прощается с коллегами. Прямо по курсу — продуктовый магазин, Кузнецов идет за пивом, хочет «побаловать себя, пока жена на дежурстве — сторожит ночью здание поселковой администрации». Поллитровая бутылка пива стоит здесь 70 рублей — ее везли из Ярославля, с пятью пересадками, на всех возможных видах транспорта. Такие же высокие цены здесь на все остальное: несвежие помидоры, огурцы и картошку, сайру в масле, тушенку, черствые пирожки с капустой, мороженую говядину и апельсиновый сок.

А скоропортящихся молочных продуктов в магазинах Солнечного нет вообще. За их поставку на-

Добыча золота *дражным способом на реке Алах-Юнь*

Вольные старатели

Датой основания золотодобывающей промышленности России считается 21 мая 1745 года. В тот день уральский крестьянин Ерофей Марков пошел в горы искать хрусталь для икон Троицкой лавры, но вместо хрусталя нашел на реке Пышма рудное золото.

Через два года там открылся первый российский золотой рудник, а на Петербургском монетном дворе впервые началась промышленная очистка золота.

28 мая 1812 года сенат издал указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати». Сотни людей кинулись искать золото на Урале и в Сибири. К 1845 году Россия добывала почти половину всего золота в мире, а концентрация разведанных в Западной Сибири месторождений россыпного золота была самой высокой в мире.

В 1918 году золотодобывающая промышленность страны была национализирована и все больше приходила в упадок. В 1919—1920-х годах добыча золота сократилась почти втрое.

В 1921 году Совнарком разрешил «гражданам РСФСР, кооперативам, артелям и прочим объединениям производить поиски, разведку, а также получать на договорных началах государственные золотоплатиновые предприятия и прииски».

В 1940 году в СССР было произведено 200 тонн желтого металла. Однако после Великой Отечественной войны частная добыча золота вновь была запрещена. Сегодня в России по-прежнему возможна только промышленная добыча золота, а частное старательство нелегально.

Весной 2009 года председатель магаданской областной думы Александр Александров предложил разрешить добычу золота индивидуальным предпринимателям.

селению отвечают несколько облезлых коров, которые щипают пыльную траву между деревянных домов. В одном из них, выстроенных в 1960-х годах на сваях, забитых в вечную мерзлоту, и живет Александр с женой.

Его квартира мало отличается от миллионов подобных по всей стране — три маленькие комнаты, стандартная мебель, кухня с «мягким уголком»... Вот только трубы горячей воды, подведенные к батареям, непривычно толстые.

Александр живет в Солнечном уже 19 лет, незадолго до распада Советского Союза он перебрался сюда из Самары. «Вообще-то я ехал сюда на полгода, хотел денег подзаработать», — вспоминает он, сидя на кухне в спортивных штанах и футболке и ероша на голове коротко стриженные седеющие волосы. Но через два месяца приехала жена с детьми. Работы в родной Самаре в тот момент все

Вручную *промывает Сергей Даниш породу из старого отвала. Осевшие на краю лотка крупинки золота позволяют рассчитывать примерное содержание ценного металла в грунте*

равно не было, и семья решила остаться в Якутии.

В те времена поселок Солнечный был главной базой компании «Джугджурзолото» — горнодобывающей «империи», объединявшей все прииски и рудники в радиусе нескольких сот километров. В поселке жили три тысячи человек, почти столько же приезжало на сезонные работы. Общий объем добываемого золота зашкаливал за 4,5 тонны в год. Все изменилось очень быстро.

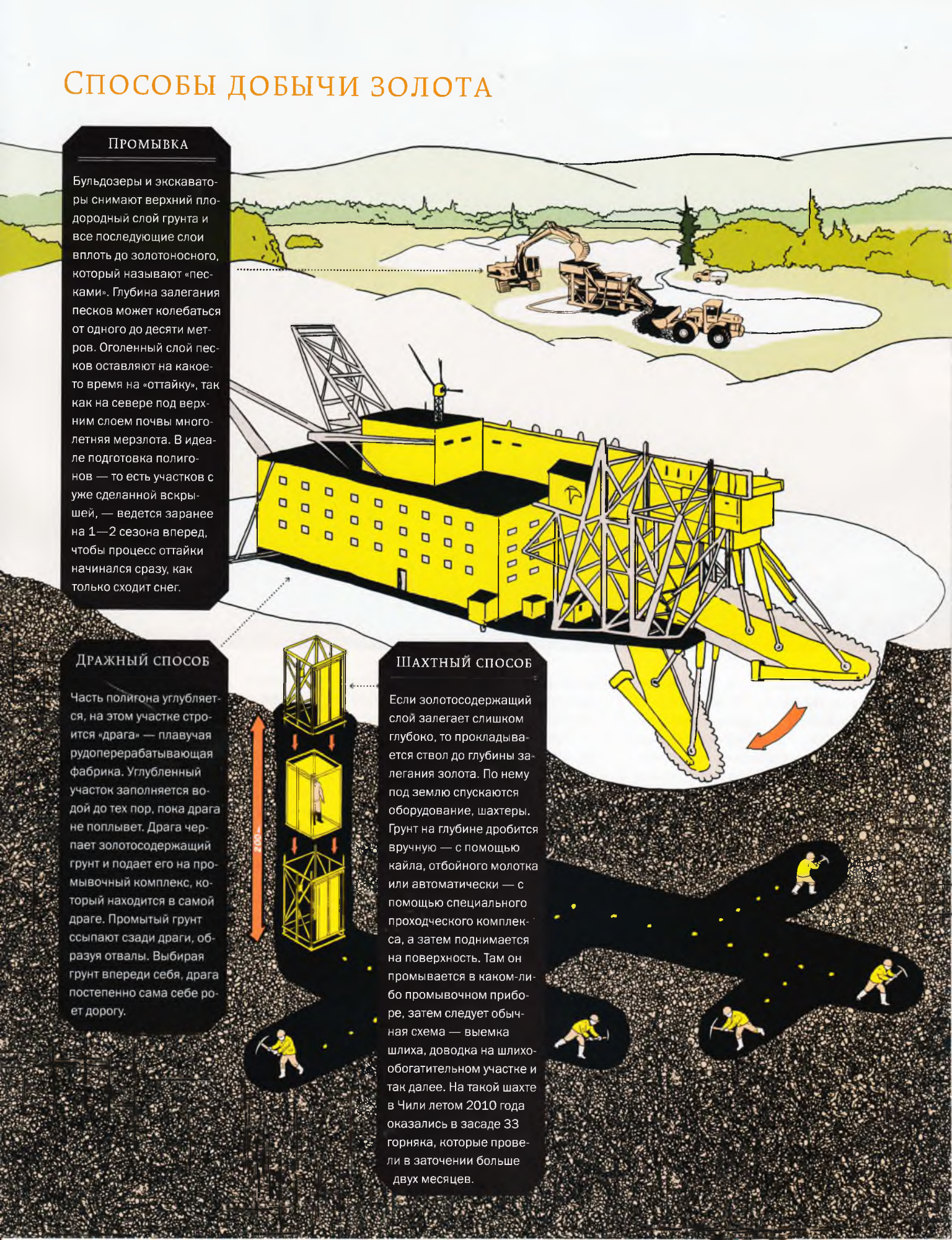
В 1996 году комбинат распался на полтора десятка самостоятельных золотодобывающих предприятий, сезон 2010 года из них начали только три. По всей России за последние четыре года прекратили работу более 200 предприятий золотодобывающей отрасли.

АЛЕКСАНДР ЗАКУРИВАЕТ, открывает бутылку пива и берет в руки гитару. «Эх, Якутия! Что за страна! Сопочки — словно груди якуточки. Не нужна мне другая ничуть сторона, когда нравится мне вот туточки! Здесь морозец жмет, губы-щеки жгет, да привыкли к нему, вот и нравится! Бедновато только народ живет, однако и это исправится!»

Эту песню Александр сочинил в 1991 году. Она принесла ему славу барда — единственного во всей округе. Больше десяти лет он проработал в артели «Дражник» на плавучем комбинате по добыче и переработке золотосодержащей руды. За эти годы в его блокноте, без которого он не выходит из дома, становилось все меньше романтики и все больше стихов социальной направленности.

Каждые два года Александр с женой зимой едут в отпуск на родину — два дня на маршрутке по зимнику до станции Нерюнгри, пять дней на поезде до Самары. «Времена теперь другие. Сегодня в Самаре можно заработать больше, чем в Якутии, — го-

Способы добычи золота



Промывка

Бульдозеры и экскаваторы снимают верхний плодородный слой грунта и все последующие слои вплоть до золотоносного, который называют «песками». Глубина залегания песков может колебаться от одного до десяти метров. Оголенный слой песков оставляют на какое-то время на «оттайку», так как на севере под верхним слоем почвы многолетняя мерзлота. В идеале подготовка полигонов — то есть участков с уже сделанной вскрышей, — ведется заранее на 1—2 сезона вперед, чтобы процесс оттайки начинался сразу, как только сходит снег.

Дражный способ

Часть полигона углубляется, на этом участке строится «драга» — плавучая рудоперерабатывающая фабрика. Углубленный участок заполняется водой до тех пор, пока драга не поплывет. Драга черпает золотосодержащий грунт и подает его на промывочный комплекс, который находится в самой драге. Промытый грунт ссыпают сзади драги, образуя отвалы. Выбирая грунт впереди себя, драга постепенно сама себе роет дорогу.

Шахтный способ

Если золотосодержащий слой залегает слишком глубоко, то прокладывается ствол до глубины залегания золота. По нему под землю спускаются оборудование, шахтеры. Грунт на глубине дробится вручную — с помощью кайла, отбойного молотка или автоматически — с помощью специального проходческого комплекса, а затем поднимается на поверхность. Там он промывается в каком-либо промывочном приборе, затем следует обычная схема — выемка шлиха, доводка на шлихообогатительном участке и так далее. На такой шахте в Чили летом 2010 года оказались в засаде 33 горняка, которые провели в заточении больше двух месяцев.

Поселок золотодобытчиков *Солнечный. Летом жители разводят вокруг домов палисадники*

ворит Александр и закуривает вторую сигарету. — У нас же здесь единственный постоянный работодатель — это местная артель. Там платят стабильно, но мало: 18–20 000 рублей в месяц, хватает лишь на то, чтобы выжить. У меня дети уже взрослые — сын в Якутске, дочь в институте учится, так что в этом году я решил рискнуть — пошел к Данишу. Если будет золото и в конце сезона нам заплатят, сколько обещали, — это будет прорыв! Здесь никто никогда не предлагал таких зарплат».

100 КИЛОГРАММОВ ЗОЛОТА — такой план стоит перед сотрудниками фирмы «Спецтехнопром», владеющей лицензией на разработку месторождения, в 2010 году. После добывавшихся здесь в 1980-х годах четырех с лишним тонн нынешние планы могут показаться смешными. Но предшественникам Сергея Даниша в прошлом году на Ыныкчане не удалось добыть и этого, из-за чего многие рабочие не получили зарплату. Удастся ли в этом?

Сергей Даниш разворачивает перед собой пятиметровый рулон из синтетического холста. Это главное сокровище технического директора: подробная схема поселка и окружающих его сопок, испещренная столбцами цифр, — геологическая карта месторождения.

Даниш всматривается в цифры. Самая важная информация на карте — так называемые «шурфовочные линии». 40 лет назад каждые десять метров геологи выкапывали ямы-шурфы, промывали грунт из них и в зависимости от концентрации золотых крупинок рассчитывали содержание драгоценного металла в земле.

Над каждой точкой убористым почерком записаны цифры. Это и есть разведанные показатели содержания золота в каждом конкретном месте.

Сергей Даниш водит по карте пальцем с забившейся под ноготь землей. Его карьера началась здесь в 1970-х годах именно с прокладки шурфов. Их рыли, как правило, зимой. Нередко при минус 60. Чтобы выкопать яму на таком морозе, на замерзшей земле надо развести костер. После того, как только он прогорит, в землю можно углубиться не больше чем на полметра. Потом лопата упирается в лед и надо снова разжигать огонь. Один из напарников Сергея Даниша погиб, разведя в глубокой яме костер и от усталости заснув на дне. Проснулся, когда на теле уже загорелся полушубок. Друзья не успели вытащить горящего человека из ямы.

МОЖЕТ, ПОЭТОМУ СЕРГЕЙ ДАНИШ далек от романтики? Старатели всех времен и народов очень ценили «золотой фарт» при поиске золота. Но когда от выбора места добычи зависит не только лич-

Обед на прииске: *котлеты из лосятины и жаркое из оленины в меню почти каждый день. Свежую лосятину охотники сдают по 150 рублей за килограмм. Это вдвое дешевле мороженой говядины*

ный достаток, но и благополучие десятков подчиненных и доверие инвесторов, полагаться лишь на удачу – преступление, говорит Даниш, глядя на замызганный рулон на столе. Цена этой карте – 38 лет работы, тысячи кубометров перекопанной мерзлоты и ручной труд на морозе сотен человек.

Над каждой линией на карте подписан год проведения геологоразведки. 1936-й – год закладки на Ыныкчане первого шурфа. Последняя шурфовочная линия начинается с цифр 1974.

«Люди работали на пределе своих возможностей, – вспоминает Сергей Даниш. – Но и платили нам хорошо, по 700 рублей в месяц». Средняя зарплата советского гражданина в тот момент была 150 рублей.

Геологоразведка – дорогая и трудоемкая деятельность. Но для добычи полезных ископаемых она нужна как воздух. Ведь рано или поздно добытчики вырабатывают разведанные месторождения и упираются в прямом смысле слова в terra incognita – землю, в которой содержится неизвестно что в неизвестных количествах.

Геологические экспедиции в районе Ыныкчана закончились в 1987 году. Геологоразведка как единая система, финансируемая государством, перестала существовать в России в 1990-х. Поэтому сегодня многие золотодобывающие артели перемывают по второму разу отвалы, оставленные их предшественниками, так называемые «техногенные месторождения». Просто потому, что информации о новых золотоносных участках ни у кого нет.

«Нет-нет, золото не кончилось! – уверяет Сергей Даниш. – Оно просто лежит в земле и дожидается нас». Но пока в федеральном агентстве по недропользованию нет данных о новых золотосодержащих участках, чиновники не могут выдавать ли-

Краеведческий музей *поселка Солнечный. Большинство экспонатов собрали школьники — старые инструменты, почетные грамоты, фотографии ветеранов труда*

цензии на их разработку. Именно свертывание массовой геологоразведки эксперты называют главной причиной замедления роста золотодобычи в России: в 2009 году он составил 11,2 процента, а мог бы быть больше.

Осенью 2009 года министерство природных ресурсов подготовило план по стимулированию геологоразведки — новая госструктура должна объединить 170 геологоразведочных предприятий. По замыслу министерства, это стимулирует приход в отрасль частного капитала. Обещаны налоговые послабления для добывающих компаний, желающих заняться геологическими изысканиями. К 2013 году должен быть создан общий информационный центр со всей геологической информацией о российских недрах. Кто знает, может, туда попадет и электронный вариант ыныкчанской «полотнянки» — карты, на создание которой у геологов ушло 38 лет.

Третье воскресенье июля, 7.30 утра. В деревянном бараке, переоборудованном под штаб добывающей компании, толпятся три десятка человек, почти все работники артели. Александр Кузнецов тоже среди них. На залитой солнцем веранде не протолкнуться. Обычно по утрам рабочие обсуждают план работ на сутки, но сегодня вместо рабочих графиков и карт Сергей Даниш сжимает в руках благодарственные грамоты. На календаре День металлурга — профессиональный праздник тех, кто производит из металла готовые изделия, и тех, кто добывает руду.

Даниш произносит праздничную речь. Он говорит о скором запуске второго комплекса для промывки золота; об увеличении объемов добычи; о том, что все это станет возможно лишь при «эффективной работе каждого». Но главную новость он сообщает в конце — 15 процентов от

Долина реки *изуродована горами перемытых булыжников, на которых десятки лет ничего не будет расти*

стоимости добытого сверх плана золота будет разделено между работниками. Рабочие оживленно перешептываются.

В 13.00 в честь праздника работы на Ыныкчане останавливаются ровно на час. Техника замолкает, над полигонами повисает непривычная тишина. Шумно лишь у столовой — отремонтированного барака рядом со штабом. Двое рабочих монтируют на крыше китайскую спутниковую антенну, которую привезли по случаю праздника.

«А в Москве всегда веснааа-аа!» — верещит телевизор; суровые мужики рассаживаются за дощатым столом. Сегодня в меню кроме привычного борща и макарон — котлеты из лосятины и тушеная оленина. Здесь эти блюда деликатесом не считаются, в столовой их готовят чуть ли не каждый день.

Настоящие изыски — это салаты из помидоров и огурцов, не очень свежие яблоки и апельсины, а также консервированные китайские персики. Алкоголя на столе нет, несмотря на праздник. На месторождении строжайший сухой закон — за пьянство на рабочем месте увольняют мгновенно. На обед отведен час, но все по привычке едят очень быстро. Рабочие места у многих в километре от столовой.

Едва дожевав, Сергей Даниш прыгает в старую «Ниву» и уезжает осматривать полигоны. Александр Кузнецов встает из-за стола и бредет напрямую через серые отвалы — насыпанные за много лет холмы из перемытой гальки — к высящемуся вдали промывочному комплексу. Короткий сезон золотодобычи не терпит простоев даже в День металлурга.

Лишь в десять вечера, когда первая смена закончилась, а вторая уже началась, Сергей Даниш возвращается домой в компании ближайших коллег. На время сезона он поселился в заброшенном Ыныкчане в старом доме.

На кухне его жена Ольга выставила на стол малосольную рыбу, печеную лосятину с картошкой, а также свежие огурцы, помидоры и зелень из своей теплицы. Разговоры за столом от поздравлений переходят к проблемам золотодобычи в Якутии и во всей России. Ужин затягивается, свет в окнах дома гаснет за полночь.

Глубокой ночью темноту прорезает свет фар, а деревянный дом содрогается. За дребезжащим окном громыхает ослепляющая прожекторами и извергающая облако гари машина, за которой тянется огромная тень. 35-тонный бульдозер приволок на золотодобывающий участок новый комплекс для промывки золота.

А это значит, что завтра утром у золотодобытчиков на якутской реке Ыныкчанка появятся новые надежды.